

Тан Шаотан понимал, что у него нет ничего ценного, что можно было бы оставить в качестве благодарности.

А Цзю, казалось, был поражён его ловкостью, несмотря на сломанную ногу, а его холодное, леденящее выражение лица заставило сердце ёкнуть: неужто он собирается убить свидетеля?

Тан Шаотан долго молчал, думая о другом.

Он слышал истории о благодарности и не хотел отвечать злом на добро. Однако с детства он мало общался с людьми, в Павильоне Радужных Одежд его чаще наказывали, и он не получал никакой помощи от других. А Цзю требовал отплаты, а он не знал, как на это реагировать. Подумав, он решил дать совет.

— О нашей встрече — ни слова посторонним. Иначе смерть.

Хотя это был совет, звучал он как угроза.

А Цзю нахмурился, явно не оценив.

— О, так ты не немой, — язвительно заметил он.

Тан Шаотан:

— ...

А Цзю:

— Что я говорю и что делаю — тебя не касается. Хочешь уйти — оставь плату за спасение.

Он говорил с уверенностью, хотя явно был в положении, когда его могли прикончить без усилий. Неизвестно, был ли он скрытым мастером или просто беспечным.

Тан Шаотан:

— ...

Ладно, если его местонахождение раскроют, что ж, будет лишь смерть.

Он молча вздохнул и, поворачиваясь, прошёл мимо полуоткрытого окна. Лёгкий ветерок, несущий аромат османтуса, коснулся его лица, и он мельком увидел, как через переплетённые ветви деревьев пробивается лунный свет, попадая прямо в глаза.

Так же, как и тот свет, что он увидел, когда спасся от смерти, и человек, стоящий в этом свете.

Тан Шаотан остановился, серьёзно задумавшись о подходящей награде.

Он родился и вырос в Павильоне Радужных Одежд, и всё, что он знал о мире и правилах, было преподано ему женщинами оттуда. Павильон славился обучением красивых убийц, и все его обитательницы были искусны в танцах. В теории Тан Шаотан тоже должен был перенять некоторые их навыки. Но он пошёл другим путём.

Он не занимался интригами — он был мастером боя.

С самых первых тренировок Тан Шаотан проявлял невероятный талант, и к совершеннолетию

его навыки владения мечом превосходили всех в школе. В юном возрасте, благодаря выдающимся боевым способностям, он взял на себя большую часть задач по сопровождению сестёр и перехвату врагов.

Когда у тебя есть талант, настолько яркий, что затмевает всё остальное, никто не станет указывать на твои недостатки. Тан Шаотан умел брать головы посреди тысяч врагов, поэтому никому не было дела, умеет ли он использовать красоту как оружие или понимает ли мирские дела и коварство людей.

Тем не менее Цюй Цзюаньцзюань, росшая с ним, не уставала делиться с ним своим опытом.

Среди всего, что она говорила, была одна вещь, которая, казалось, подходила к текущей ситуации.

Она сказала, что если кто-то, не являющийся целью, — например, человек, который тебе помог, — начинает говорить что-то вроде: «Чем отблагодаришь меня, красавица?», то этот человек, скорее всего, имеет недобрые намерения.

В таких случаях нужно либо убить его, либо отделаться от него.

Убить — просто, это не требовало объяснений.

А как отделаться...

Цюй Цзюаньцзюань с кокетливой улыбкой указала на свои тонкие губы и сказала: обычно достаточно поцелуя.

...

Тан Шаотан прикоснулся к своим губам, мысленно оценив разницу в росте между ним и А Цзю.

Черты А Цзю были изящными и чистыми, но сам он был невысок, а кожа — бледнее, чем у большинства. Когда он переставал болтать и жестикулировать, жизненная энергия вокруг него словно угасала, и он начинал казаться слегка болезненным, будто долгое время не видел солнца и не ел нормальной пищи. Лишь губы сохраняли яркий, живой цвет.

Тан Шаотан наклонился, осторожно приближаясь.

А Цзю:

— ?

Тан Шаотан быстро, как цыплёнок, клюющий зёрна, коснулся его губ и тут же отпрянул.

А Цзю:

— ...

Его зрачки сузились, кровь прилила к лицу, пальцы сжались, будто готовые задушить.

Но Тан Шаотан был крайне благороден: «отблагодарив», он тут же ушёл, не дав А Цзю разглядеть его лицо. Даже на одной ноге он двигался быстрее обычного человека.

Оставшийся на месте «А Цзю» смотрел с яростью, положив руку на деревянную доску у

кровати. Мгновение — и доска поддалась его мощной внутренней энергии, превратившись в порошок.

Глава павильона прикоснулся к губам и холодно выдохнул:

— Сам напрашивается.

Авторское примечание:

Выдуманная сценка:

Глава павильона: Сломал тебе ногу — держи куриную, восстановишь силы.

Тан Шаотан: (с отвращением) Нет, спасибо.

А Цзю: Я тебя спас — где награда?

Тан Шаотан: (* □З)(ε□ *)

Тан Шаотан сбежал, и главе павильона пришлось его преследовать.

Жуань Линцзю изначально планировал, ухаживая за раненым, приблизиться к Тан Шаотану и выведать информацию о Павильоне Радужных Одежд. Если повезёт, он надеялся, что Тан Шаотан проведёт его в Павильон на «экскурсию». Ради этой цели жестокий глава Павильона Ушоу великодушно оставил Тан Шаотану одну ногу — чтобы потом не пришлось нести его на спине.

Кто бы мог подумать, что Тан Шаотан, выглядевший таким хрупким и изящным, окажется железным человеком, способным скакать на одной ноге.

Его лёгкость и скорость были недоступны обычным людям.

Но Жуань Линцзю не был обычным человеком. Как глава Павильона Ушоу, он мог легко догнать хромого. Однако сейчас он был «А Цзю», бессовестным грабителем могил, а не непобедимым мастером. Жуань Линцзю мог бы легко схватить беглеца, но А Цзю — нет.

Он должен был преследовать, но не мог позволить себе действительно догнать.

Это было похоже на бег со связанными руками и ногами, и со временем стало невыносимым. Жуань Линцзю в душе не раз выругался: «Надо было сломать ему обе ноги!»

Но ругаться — одно, а преследовать — другое.

Накануне прошёл дождь, земля была усеяна лужами и размыта. А Цзю, «слабый в боевых искусствах», наступил уже не знаю в какую лужу и не выдержал — чихнул.

Звук был негромким, но он спугнул того, за кем он следил.

Тан Шаотан:

— ...

Его ещё никогда так откровенно не преследовали. Методы, которые использовал преследователь, были настолько неуклюжи, что он такого раньше не видел. Или, возможно, тот даже не пытался скрываться — просто не хватало сил догнать.

Рука Тан Шаотана была лишь вывихнута, и после вправления почти восстановилась, не мешая. Но нога — та сломана по-настоящему. Говорят, кости срастаются сто дней, и, как ни старайся терпеть боль и притворяться, сломанная кость есть сломанная кость. Сказать, что это не сказывается, — значит обманывать себя.

С каждым шагом боль усиливалась, скорость и ловкость значительно упали. В такой момент он особенно не хотел встречаться с погоней.

Даже если это был всего лишь заурядный вор.

Тан Шаотан недоумевал: зачем он за ним следует? Награду-то он уже дал.

Он снова перебрал в голове уроки Цюй Цзюаньцзюань и понял, что она говорила об «обычных ситуациях». Значит, А Цзю, возможно, не подпадал под этот случай.

Но если он не мог справиться с обычными ситуациями, как справиться с необычными?

Пока он размышлял, в словах А Цзю наконец мелькнула зацепка.

А Цзю просил серебро.

Тан Шаотан пощупал карман.

Он был пуст.

Честно говоря, даже одежда и меч были взяты у А Цзю, так что лишних денег у него не было.

Даже если бы он вернул свою одежду, не нашёл бы и медяка. В отличие от обычных убийц, получавших плату напрямую, в Павильоне Радужных Одежд все расчёты с заказчиками и выплаты вела их таинственная глава.

Тан Шаотан вырос в Павильоне, был обязан главе за воспитание и никогда не выполнял задания solo — поэтому у него не было ни гроша.

У него не было серебра для отплаты, а обычный метод, которому научила Цюй Цзюаньцзюань, не сработал. Как же избавиться от А Цзю?

Как убийца, он знал лишь один способ.

Убить.

Тан Шаотан крепко сжал меч, но через мгновение медленно разжал пальцы. Он покачал головой, отбросив эту мысль.

Видимо, начальник был прав: он — никудышный убийца.